

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 33 (2348).

Суббота, 9 августа 1947 г.

Цена 50 коп.

ВАЖНОЕ ЗВЕНО В ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Благотворное влияние исторических постановлений ЦК ВКП(б) на литературу и искусство сказывается во всей нашей литературной жизни. XI пленум правления Союза советских писателей СССР отметил, что никогда еще активность писательских организаций не была так велика, как сейчас, никогда они не подходили так близко к самым важным и жизненным вопросам советской литературы. Это оказывается, в частности, в том оживлении, которое характеризует работу творческих секций и комиссий Союза писателей. Именно здесь проявляется труд писателя, здесь он получает творческую помощь от своих товарищей, здесь обобщается опыт литературы. Некоторые секции только недавно возникли, но уже успели завоевать симпатии литературной общественности, стать притягательным центром для многих писателей. Такова, например, секция очерка публицистики. Она с самого начала взяла серийный курс на максимальное приближение к жизни, на приобщение своих членов к наукоемким проблемам советской действительности. В организуемых этой секции вечерах принимают участие не только писатели, но и видные ученые, практики социалистического строительства, — это вносит свежую струю в обсуждение вопросов литературы.

Активно и производительно работает секция поэзии. Она с большим успехом провела ряд творческих вечеров поэтов: здесь впервые обсуждаются стихи Н. Тихонова о Югославии, цикл стихов С. Васильева «Москва», знаменующий собой большой творческий рост поэта, поэма А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», стихи А. Яшина, поэтические рассказывающие о послевоенном колхозном труде, стихи М. Матусовского о восстановлении Донбассе и др.

Секция прозы начала свою деятельность выступлением А. Фадеева о творческом методе советской литературы. А. Фадеев рассказал собравшимся о том, как он работал над романом «Молодая гвардия». Там время существования секции прозы успела также обсудить новые произведения Э. Казакевича, Г. Березко, И. Ершбурга, В. Овечкина, В. Шкловского, М. Эгарта, О. Эрбранга.

Бюро национальных комиссий при Союзе советских писателей начинает глубже изучать творчество братских народов, привлекая для этого людей авторитетных, хорошо знакомых с культурой братских советских народов. Бюро направляет на места специальныеbrigades для более обстоятельного ознакомления с положением дел в литературных организациях, устраивает вечера поэтов и прозаиков союзных и автономных республик, обсуждает переводы их произведений на русский язык и т. д.

Разворачивает свою творческую работу и организованная недавно комиссия по работе с молодыми писателями, в которой активно участвуют видные представители советской литературы. Некоторых из них ЦК ВЛКСМ наградил почетной грамотой «За активную работу с молодыми писателями».

Впервые создана в системе Союза писателей комиссия приключечного жанра, назначение которой — способствовать появлению советских приключеческих романов, повестей и рассказов, глубоко идеиных, сюжетно-увлекательных, поучительных, следствием которой является создание Союза писателей и краев РСФСР.

Оживление в секциях и комиссиях является непосредственным отражением того подъема, который характеризует всю нашу литературную жизнь.

Но было бы совершенно неправильно думать, что в работе секций и комиссий все обстоит благополучно. На XI пленуме правления СССР было сказано немало суровых и справедливых слов о недостатках нашей литературы, преодоление которых должно стать делом всей писательской общественности. Серьезное внимание обращено пленумом на отставание литературо-вещеской мысли, на недостаточно еще глубокую разработку ее ряда важнейших проблем. Не разрешена еще у нас проблема создания истории советской литературы, нет хороших монографий о великих советских писателях, глубоких исследований по социалистической эстетике, по теории социалистического реализма, ощущается огромная нужда в хороших учебных пособиях по литературе.

Существующая при Союзе писателей ко-

1 стр. Передовая. Важное звено в творческой работе Союза писателей. Якуб Колас. Рыбакова хата. Информация. К 800-летию со дня рождения Низами. Совещания молодых писателей. У писателей Армении. К 800-летию Москвы.

2 стр. Петрусь Бровка. Долг писателей Белоруссии. С. Липкин. Книга о киргизской литературе. В. Шкловский. Чужая лошадь. Евг. Долматовский. Разговор о поэзии.

3 стр. Вера Смирнова. Документ великого времени. А. Макаров. Пьеса о защитниках и врагах колхозного строя. С. Львов. Сентиментальные рассказы. Информация.

4 стр. О. Савич. Чилийский акын. Н. Крымова. Путь вперед. М. Смелянов. Прежде и теперь. Н. Б. «Цита» из Сократа. Информация. Центральный дом литераторов. О творчестве В. Шефнера. В несколько строк. Новые книги.

Плакаты о Москве

Издательство «Искусство» выпускает плакаты, посвященные современному Москву. Защиту Москвы в 1941 году отобразил художник В. Иванов. Его плакат гласит: «Народ, армия, Сталин спасли тебя, Москву!». Этому же художнику принадлежит и другой плакат, изображающий Москву различных эпох.

Строительство и реконструкция столицы послужили темой для двух плакатов Б. Мухина.

Плакат В. Ливановой «Слава тебе, непобедимая Москва, краса и гордость русского народа» воспроизводит виды современной Москвы. Фигуры русских богатырей, расположенные вокруг стального цицата в центре плаката, символизируют бессмертную мощь и силу нашей древней столицы.

На СНИМКЕ: Плакат работы В. Корецкого.

Москва — сердце социалистической родины
На открытом собрании парторганизации ССР СССР

В связи с подготовкой к 800-летию столицы Советского Союза 6 августа в Клубе писателей состоялось открытое собрание партийной организации.

Собравшиеся с интересом прослушали доклад Л. Никулина, рассказавшего о важнейших этапах развития Москвы, ее роли в учреждении государственно единства русского народа, ее месте в истории революционного движения России.

Особое внимание уделил Л. Никулин Москву, как городу великих традиций русской культуры, городу, с чьей историей тесно связаны имена славнейших наших писателей, ученых, художников, композиторов. В заключительной части докладчик нарисовал картину тех грандиозных изменений, которые произошли в столице за годы советской власти.

Л. Аргутинская, С. Евгеньев, А. Карапетян рассказали о мероприятиях, осуществленных комиссией Союза советских писателей ССР по подготовке к 800-летию столицы: на массовых вечерах в московских парках состоялись доклады и лекции о прошлом и настоящем Москвы, писатели выступают на предприятиях, агитпунктах, открытых при Клубе писателей, организует систематические беседы с жителями Красно-Пресненского района.

Но все же, подчеркивают все выступившие, литература общественность Москвы еще не включилась как следует в подготовку к юбилею, многие писатели проявляют в этом отношении непрестанные равнодушие, не приходя к комиссии на помощь своим опытом, знаниями, не учитывая того огромного интереса, какой привлекают москвичи к славной истории родного города. А. Сорбонов указывает, что писатели не должны рассматривать юбилей столицы только как очередную кампанию. Эта кампания должна послужить стимулом к созданию новых больших произведений, в которых со всей силой прозвучит тема Москвы, как сердца социалистической родины.

Собрание пришло постановление, в котором отмечает удачные назначения комиссии по подготовке к 800-летию Москвы, и призывает писателей столицы активнее включиться в работу этой комиссии.

Описание мест Москвы, связанных с жизнью и творчеством классиков русской художественной литературы, посвященное сборнику «Литературные экскурсии по Москве», выпускаемому издательством Государственного литературного музея.

То же издательство готовит к печати вторую книгу из серии «Литературное Подмосковье». В книге дается характеристика усадеб «Архангельское», «Остafьево», «Абрамцево», связанные с именами Пушкина, Гоголя, Аксакова, Отдельные главы посвящены пушкинскому «Захарову», чеховскому «Мелихову», местам, связанным с жизнью и творчеством Маяковского («Пушкино») и Батрицкого («Купчино»).

КИЕВ. (От наш. корр.). О жизни столицы Советского Союза на различных этапах ее истории рассказывает выставка, открывшаяся недавно в Киевском государственном университете.

Специальный раздел посвящен теме «Москва в художественной литературе». Многочисленные иллюстрации, фотографии и литературные материалы показывают роль Москвы в революционном движении, в укреплении дружбы русского и украинского народов.

К 30-летию Великого Октября

Лекции и доклады
«30 лет советской литературы»

Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей приступает к организации вечеpов, посвященных 30-летию Октября. Большой вечер советской литературы состоится в Колонном зале Дома союзов. В различных открытых аудиториях и клубах Москвы будут проведены вечеpы, драматуры с поэмами отрывков из пьес, вечеpы песни с выступлением поэтов и композиторов, доклады на темы «30 лет советской литературы», лекции ученых, конференции поэзии, вечеpы, посвященные Горькому и Маяковскому и творчеству других советских писателей.

Памяти Навои

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Правительственная комиссия по подготовке к юбилею Алишера Навои и Академии наук Узбекской ССР провели в Ташкенте научную конференцию, посвященную великому узбекскому поэту.

С докладами об эпохе Алишера Навои, о социально-политических взглядах поэта и о проблемах изучения его литературного наследия выступили: член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР профессор А. Якубовский, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР профессор В. Захидов и действительный член Академии наук Узбекской ССР писатель Аббаков.

В работе конференции приняли также участие ученые и писатели Москвы, Казахстана, Туркменистана и Азербайджана.

Почетные

железнодорожники

Лев Гумилевский за последние годы успешно работает над произведениями научно-художественного жанра. Его книги «Лицо», «Крылья родины», «История локомотивов» пользуются большой популярностью у массового читателя. Недавно вышло второе издание книги Л. Гумилевского «Железная дорога». В увлекательной форме писатель изложил историю железнодорожного транспорта России, ярко рассказал о замечательных русских инженерах, изобретателях и новаторах стальных магистралей нашего времени.

Отметяя заслугу Л. Гумилевского в популяризации научно-технических знаний и истории железнодорожного транспорта, министр путей сообщения И. В. Ковалев наградил его знаком «Почетному железнодорожнику».

Это почетное звание уже присвоено 10 советским писателям. Знаком «Почетному железнодорожнику» в свое время были награждены Н. Асалов, В. Балбеков, А. Караваев, А. Карапетян, В. Лебедев-Кумач, Н. Ляшко, Д. Осин, Б. Романов и М. Шагин.

Якуб Колас

РЫБАКОВА ХАТА

Пoэт Якуб Колас написал большую поэму «Рыбакова хата», отображающую воссоединение белорусского народа в едином белорусском социальном государствстве.

Мы печатаем отрывки из 23-й и 24-й глав поэмы.

Секунд и режут воздух пули,
И хлещет в сумрак вихрь огня.
Тут бой гремит грозно браной,
А там на фланге слышен крик:

— Ура! Еще минуты три,

И смыта панской охраной.

И едином взмахом и напором
Широкий выбрублен проход

Для целой армии, с которой

Так долго встречи ждал народ!..

Вот едет командарм. Машину

Он на границе задержал

И, быстрым взором, стоял окунув,

Бойцов позвал и приказал:

— Столб этот вырвать! И в повозку!

Поставить у границы той,

Где наша власть нам скажет: «Стой!..»

И столб поехал вслед за войском.

И вот, где праздник был богатый
И небывалый, — в Петрушах! —

Когда советские солдаты

Остановились в их местах.

— Сынки мои! — торжествуя,

Встречает дед родных гостей,

Танкисты крепко он целует,

Прижал его к груди свое:

— Братки! Голубчики! Вы с нами!

Мы ж подкладываем вас давно,

Чтоб с солнышку распахнуло окно!

Намучились мы тут с панами!

Проходят танки, и танкисты

Букеты ловят на ходу.

— Спасибо, девушка! Приду..

И танк несет с шумом-систом.

И вот, где праздник был богатый
И небывалый, — в Петрушах! —

Когда советские солдаты

Остановились в их местах.

— Сынки мои! — торжествуя,

Встречает дед родных гостей,

Танкисты крепко он целует,

Прижал его к груди свое:

— Братки! Голубчики! Вы с нами!

Мы ж подкладываем вас давно,

Чтоб с солнышку распахнуло окно!

Намучились мы тут с панами!

Проходят танки, и танкисты

Букеты ловят на ходу.

ЧУЖАЯ ЛОШАДЬ

Настоящее имя Джозефи Конрада — Генрих-Йозеф-Конрад Нален-Корженевский. Он был поляк, родился на Волыни. Он рано лишился родины. Конрад поступил в английский торговый флот, много плывал. Начал он писать по-английски. Выступала в союзстве с английскими писателями и все-таки осталась чужаком в Англии.

О горькой жизни Конрада совсем не для детей написан статья Ильи Кашики. Но эта статья является предисловием в книге, выпущенной Летизией, и она все-таки будет читаться детьми; между тем, что потерял Кашика и что он лишился родины. Говорится о том, что он был хорошим писателем, блестящим стилистом, а в повести «Дуэль» подражал французам.

«Дуэль» так и представлена в предисловии, как образец литературного мастерства — и только.

В повести рассказывается о том, как дрались на дуэли два французских офицера. Сам Конрад говорит об этом очень живо:

«Визовая восхищенная изумление своих товарищей, два офицера, уходившие безумных живописцев, пытающихся позолить чистейшее золото или расписывать красками живую лилию, упорно вели свой поединок на протяжении всех этих долгих лет всемирной бойни. Оба они были кавалеристы, и эта связь их с пылкими, своеобразными животными, которое несет человека в битву, кажется нам здесь чрезвычайно уместной».

Фамилии дуэлянтов: Феро и д'Юбер. Феро — гасконец незадолго до сражения, д'Юбер — аристократ. Зачинщиком ссоры был Феро. На дуэли он был ранен, и дальше началась цепь поединков, в которых Феро преследовал д'Юбера, как раздраженный слепенец.

Но вот рухнул Наполеон, Судьба и знатные родственники возвысили д'Юбера, он находит себе место среди возвышенных эмигрантов-реакционеров, но тем не менее продолжает преследовать Феро. Тот снова предстает перед ним озлобленным призраком.

Счастливый д'Юбер, в том времени уже генерал, готовится к свадьбе, но честь предала его. Проводят дуэль: перед судью генерал, теперь особенно ценивший жизнь и боязнившей ее потерять, сознется с дядушкой своей «невесты», но старый носитель феодальной чести ничего не может ему посоветовать.

Случай воля спасают д'Юбера. Он не только жив, но и жив еще даже остается на дуэлью, которым он может убить Феро. Но стреляет он даже втайне благородства — вдвойне, который благороден и после падения Наполеона и реставрации Бурбонов.

Английский приемыш — Конрад невольно написал пасквили.

У Конрада идеализация дворянской эмиграции и насмешка над наполеоновским офицером из разницы воспроизводят английские эмигранты-реакционеры, но тем не менее продолжает преследовать Феро. Тот снова предстает перед ним озлобленным призраком.

Киргизская поэзия XIX века — не «поганая скорбь и безъядности!» «Флока замана», как ее называет автор, дала нам наряду с поэмами-плачами, обличительными и жизненными стихами Клыча, Тоголожка, Шанекова, в эту эпоху начал творить великий акын Токтогул, поэзия которого далеко не случайно завершается стихотворением «Жизни, советская власть»

М. Богданова почему-то последовала здесь за некоторыми литераторами, например, Е. Исаиловым, который тоже называл XIX век «эпохой скорби», несмотря на то, что материал, проанализированный ею, противоречит этому неподуманному и непривычному утверждению.

К числу неудач автора следует отнести и главу о «Манасе». Она и написана сухо, бегло. М. Богданова предпочитает не выкладывать по ряду вопросов, ограничиваясь изложением чужих взглядов. Так, например, мы ничего не узнаем о ее отношении к спорной точке зрения проф. А. Н. Бернштама, отождествляющего «Манаса» с неким Ялгар-ханом. Убежденный противник этой точки зрения выступил член-корреспондент Академии наук СССР С. Малов. А что думает по этому поводу наш автор? М. Богданова просто излагает точку зрения А. Н. Бернштама, и только.

Не совсем точно пересказывает автор часть эпоса, вызвавшую споры манасоведов, в которой описан переход китайского царевича Алмамбета на сторону киргизов.

От такого знатока киргизского фольклора, как М. Богданова, мы вправе были ожидать более глубокого анализа «Манаса» — величайшего памятника киргизской поэзии.

Вторая — большая — половина книги посвящена советской киргизской литературе, в которой очерченные вспомогательные этапы советского периода киргизской литературы, нарисованы эскизы портретов ее деятелей — народного поэта Аали Токомбека, Джомарта Боконбаева, Касымова Баялина, Темиркула Уметалиева, Кубанчичека Маликова, Тугельбая Сыдыкбекова, Касымата Джантогана. Краткие сведения о всех современных киргизских писателях и акынах. Эти сведения дополняются цепями, подобных первенственным публикациям киргизских поэтов.

Мы указали на некоторые важные недостатки «Очерка» М. Богдановой. Имеются и второстепенные. Это прежде всего относится к стихотворной обработке цитат, выполненной Г. Ободзинским. Просто удаляясь глухота поэта, так косноязычно переложившего эпиконные киргизские стихи, шедро зарифмованные, богатые аллитерацией. Есть путаница и в сносях.

Очень хотелось бы, чтобы широкий читатель мог покерничнуть из «Очерка» основные сведения о киргизской поэзии, об особенностях стихосложения. К сожалению, таких сведений в «Очерке» почти нет.

Нужно надеяться, что М. Богданова в повторном издании утешит эти запросы читателя, исправит указанные ошибки. Ее книга, которую с большим увлечением прочитавший вский, интересующийся литературой братских советских народов, от этого значительно выиграет.

Дж. Конрад. «Дуэль». Повесть. Рисунки Д. Дубинского. М.-Л. Летизиа, 1947, 112 стр.

Книги советских писателей в Монголии

В Государственном издательстве Монгольской народной республики вышли новые переведы книг советских писателей. Среди них — «Непокоренные» В. Горбатова, «Сын полка» В. Катаева, «Мой университет» и «В людях» М. Горького, «Радуга» В. Васильевской, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Чингис-хан» и «Батый» В. Яна, пьесы «Русские люди» и «Джанни» К. Симонова, сказки В. Маяковского.

Из произведений русских классиков вышли в свет «Конек-Горбунок» П. Ершова, пьесы А. Пушкина, сборник Басен И. Крылова, «Ревизор» Н. Гоголя, повести Л. Толстого, сказки М. Лермонтова.

Хо разбирающиеся в поэзии. Это и позволяет ремесленникам «слабожать» все возможные организации — не письмами, а текстами, рассчитанными на то, что музыка все равно вылезет. Наши журналы стали печатать поэтические подборки, обединенные темой или жанром. Немлюху было бы, если бы, например, редакция «Нового мира» или «Звезда» дала на страницы журнала подборку поэзии критерием качества песни.

У нас есть такой тонкий, замечательный мастер песни, как М. Исаковский. Многие поэты (А. Софронов, А. Жаров, Л. Ошанин) работают над песнями всерьез.

Наша поэзия находится сейчас в весьма сложном периоде перестройки. К сожалению, период этот несколько затянулся, но будем надеяться, что он уже приходит к концу.

Тема возвращения выражена в ряде хороших стихов, поэм и песен. Но тема эта тоже перехоцда. Надо петь сегодняшний день.

Аудитория у нас огромная, взволнованная, а главное — требовательная. Она ценит всяческую честную поэтическую работу, но она не прощает ухода от современности и не прощает молчания.

Нам выпадло счастье оставаться живыми, и мы не имеем права останавливаться. Ведь только, идя вперед, мы можем двигаться. Всегда, особенно у молодых поэтов, имеет опасность превратиться в уход от современности. Нам есть чему научиться у своих героев, и мы обязаны быть достойными их.

Ленинградская дискуссия все же прошла эру, Возник разговор о поэзии сегодняшнего дня, и этот разговор нужен нам для того, чтобы определить путь нашего движения.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что это путь не двумя дорогами. Нельзя быть одногодицами в многообразии ее, об этом говорят писатели еще Маяковский, и это истинно, заставить которую — значит стараться обединить советскую поэзию. Мы с вами были в армии, товарищи Друзин, повседневно общались со своими читателями и героями. Различия, как я, обросли.

Конечно, у Маяковского не только тоска по родине в заграниценных стихах. Но поэты во время войны о загранице, просто еще успели написать, а может и не успели увидеть «сложные и интересные процессы», происходящие там. Советской поэзии надо было пройти через такие стихи для того, чтобы появился, например, цикл Николая Тихонова о Югославии.

Поэтов не надо торопить, им надо помочь, чтобы быстрее.

На ленинградской дискуссии говорили о песне. Это хорошо. Критика, к сожалению, обходит молчанием весь запущенный жанр, и он находитесь в этом запущенном состоянии. Это происходит потому, что песни обычно заканчиваются всевозможными медведями, и первыми центелями и приемами песен часто являются люди, пло-

Книга о киргизской литературе

Своего знаменитого певца, народного артиста Клыча, умершего недалеко до Великой Октябрьской социалистической революции, писали о нем писатели: «Молодой», то есть «молодая». Не следует думать, что Клыч был священником: он получил это прозвище, удивив современников своей грамотностью. Только ничтожнейшая часть киргизского народа, 0,5 проц., умела читать и писать.

Киргизская письменная литература родилась, как литература советская. Седьмого ноября 1924 года вышла первая газета на киргизском языке «Тоо» («Свободные горы»). В этой газете были опубликованы стихи и очерки знатителей советской киргизской литературы.

Четверть века не прошло с того знаменательной даты, как киргизская литература уже представила перед нами своеобразие общности на позиции Клыча, дала глубокий анализ прогрессивных сторон его творчества, в этом — ее большая заслуга. Однако не продумала до конца своих взглядов на киргизскую литературу.

Автор ошибочно характеризует ее как «сказки скорбы и безъядности».

Скорбь бывает разная. Нельзя смешивать в одно привычную поэту-федора Калмыгула, который жалуется на то, что презренный раб бывает страстен, а безоружный — герой.

Чудом может показаться этот немыслимый в буржуазном обществе скачок на песни кочевника к роману зрелого беллетристы.

Время моя — это время неволи, время голода и жажды волков, время горы и боли, время страданий, слез бедняков.

Автор правильнее замечает, что Арстанбек, в отличие от Калмыгула, постоянно со-прикасался с народом, разделая с ним его горести. Почему же она обединяет под единой рубрикой «безнадежность и скорбь» этого певца народного горя и гнева и Калмыгула, господствующего по уходящему феодальному быту?

Да, Калмыгула безнадежен, ибо это тоска ретрограда, а скорбь Арстанбека — скорбь акына, который несет человеку в будущем, блестящим стилистом, а в повести «Дуэль» подражал французам.

«Дуэль» так и представлена в предисловии, как образец литературного мастерства — и только.

В повести рассказывается о том, как дрались на дуэли два французских офицера. Сам Конрад говорит об этом очень живо:

«Визовая восхищенная изумление своих товарищей, два офицера, уходившие безумных живописцев, пытающихся позолить чистейшее золото или расписать красками живую лилию, упорно вели свой поединок на протяжении всех этих долгих лет всемирной бойни. Оба они были кавалеристы, и эта связь их с пылкими, своеобразными животными, которое несет человека в будущем, кажется нам здесь чрезвычайно уместной».

Фамилии дуэлянтов: Феро и д'Юбер. Феро — гасконец незадолго до сражения, д'Юбер — аристократ. Зачинщиком ссоры был Феро. На дуэли он был ранен, и дальше началась цепь поединков, в которых Феро преследовал д'Юбера, как раздраженный слепенец.

Но вот рухнул Наполеон, Судьба и знатные родственники возвысили д'Юбера, он находит себе место среди возвышенных эмигрантов-реакционеров, но тем не менее продолжает преследовать Феро. Тот снова предстает перед ним озлобленным призраком.

Киргизская поэзия XIX века — не «поганая скорбь и безъядности!» «Флока замана», как ее называет автор, дала нам наряду с поэмами-плачами, обличительными и жизненными стихами Клыча, Тоголожка, Шанекова, в эту эпоху начал творить великий акын Токтогул, поэзия которого далеко не случайно завершается стихотворением «Жизни, советская власть»

М. Богданова почему-то последовала здесь за некоторыми литераторами, например, Е. Исаиловым, который тоже называл XIX век «эпохой скорби», несмотря на то, что материал, проанализированный ею, противоречит этому неподуманному и непривычному утверждению.

К числу неудач автора следует отнести и главу о «Манасе». Она и написана сухо, бегло. М. Богданова предпочитает не выкладывать по ряду вопросов, ограничиваясь изложением чужих взглядов. Так, например, мы ничего не узнаем о ее отношении к спорной точке зрения проф. А. Н. Бернштама, отождествляющего «Манаса» с неким Ялгар-ханом. Убежденный противник этой точки зрения выступил член-корреспондент Академии наук СССР С. Малов. А что думает по этому поводу наш автор? М. Богданова просто излагает точку зрения А. Н. Бернштама, и только.

Не совсем точно пересказывает автор часть эпоса, вызвавшую споры манасоведов, в которой описан переход китайского царевича Алмамбета на сторону киргизов.

От такого знатока киргизского фольклора, как М. Богданова, мы вправе были ожидать более глубокого анализа «Манаса» — величайшего памятника киргизской поэзии.

Вторая — большая — половина книги посвящена советской киргизской литературе, в которой очерченные вспомогательные этапы советского периода киргизской литературы, нарисованы эскизы портретов ее деятелей — народного поэта Аали Токомбека, Джомарта Боконбаева, Касымова Баялина, Темиркула Уметалиева, Кубанчичека Маликова, Тугельбая Сыдыкбекова, Касымата Джантогана. Краткие сведения о всех современных киргизских писателях и акынах. Эти сведения дополняются цепями, подобными первенственным публикациям киргизских поэтов.

М. Богданова прослеживает влияние различных видов искусства на зарождение киргизской литературы. Этим автором приступает к своему обзору не с изысканных писец а-ля «Ильи Астрабека» на народном языке, а на народном языке, и это видно сразу.

М. Богданова почему-то последовала здесь за некоторыми литераторами, например, Е. Исаиловым, который тоже называл XIX век «эпохой скорби», несмотря на то, что материал, проанализированный им, противоречит этому неподуманному и непривычному утверждению.

Случай воля спасают д'Юбера, как раздраженный слепенец.

Вей и воля спасают д'Юбера, в том времени уже генерал, готовится к свадьбе, но честь предала его. Проводят дуэль: перед судью генерал, теперь особенно ценивший жизнь и боязнившей ее потерять, сознется с дядушкой своей «невесты», но старый носитель феодальной чести ничего не может ему посоветовать.

Счастливый д'Юбер, в том времени уже генерал, готовится к свадьбе, но честь предала его. Проводят дуэль: перед судью генерал, теперь особенно ценивший жизнь и боязнившей ее потерять, сознется с дядушкой своей «невесты», но старый носитель феодальной чести ничего не может ему посоветовать.

Судьба и знатные родственники возвысили д'Юбера, он находит себе место среди возвышенных эмигрантов-реакционеров, но тем не менее продолжает преследовать Феро. Тот снова предстает перед ним озлобленным призраком.

Киргизская поэзия XIX века — не «поганая скорбь и безъядности!» «Флока замана», как ее называет автор, дала нам наряду с поэмами-плачами, обличительными и жизненными стихами Клыча, Тоголожка,

Вера СМИРНОВА

Документ великого времени

А. Макаренко „Педагогическая поэма“

Среди книг советской литературы есть повесть, которую перечитываешь каждый раз с волнением. Написана эта книга убеденным и страстным педагогом-коммунистом, в нее вложен большой опыт работы на порученном ему партией участке строительства нового общества. В этой книге нет ничего выдуманного, она — документ величайшего времени, автобиография советского работника. Читай ее, почти не замечая писателя, видишь все время перед собой галантного, смелого, воевального человека, педагога, окрыленного идеями коммунистического воспитания, руководителя молодого человеческого коллектива, и только потом понимаешь, что это и есть тот талант «инженера человеческих душ», в котором сила и прелесть книги. Автор сам хорошо соизнавал в себе это единство, это слияние педагога и писателя. Недаром он смело называл свою книгу «Педагогической поэмой». Он понимал, что в его скромном педагогическом дельце жила так высокая поэзия, которая давала ему право на звание художника. Но в то же время, будучи работником «трудной и хитрой науки педагогики», он считал себя только одним из исследователей, испытателем новых советских методов педагогики и мечтал о том, что «может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания».

В этой неотделимости литературы от жизни, в этой неразрывности, когда книга для писателя — не привычное ремесло, а неотъемлемая потребность высказаться, переплыть свой опыт, пропагандировать его, биться за него, — заключается жизненность книги А. Макаренко, «стайна» ее молодости, ее воздействия на читателя.

Чрезвычайно важен вопрос о сроке жизни литературного произведения, о стойкости правды его, об испытании временем, вообще вопрос о «воздействии» литературы, о том, «волнует ли или «не волнует» книга. Необычайно интересно, отойдя на годы от наших книг, увидеть окончательно проясненные их смыслы, их ценность, их красоту.

«Педагогическая поэма» А. Макаренко, может быть, одна из наиболее ясных, чистых монологов созданий нашей литературы, ничего не утраченных от времени.

В чем сила ее, в чем поэзия. В чем та новизна, без которой не мыслился художественное произведение?

«Видеть хорошее в человеке всегда трудно», — пишет А. Макаренко в автобиографическом очерке, предпосланном последнему изданию «Педагогической поэмы». — «В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе, сколько-нибудь недородов, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходит всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться».

Эта потребность проектировать в людях хорошее, эта «оптимистическая гипотеза» советского педагога — только часть тогого великого оптимистического учения о мироустройстве и о человеке, которое провозглашали на земле коммунисты. Среди всех учений о человеческом обществе — это самое справедливое, жизнеутверждающее, горде требовательное.

ДВУХТОМНЫЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА

Институт русского языка Академии наук СССР готовят к печати серию книг, исследующих процесс развития русского литературного языка. В беседе с нашим сотрудником руководителем отдела истории русского языка академик В. Виноградов сообщил, что первый сборник этой серии будет сдан в печать осенью 1947 года.

— Сборник посвящается анализу языка Карамзина, поэта Дмитриева, М. Н. Мурзиной, Крылова, Державина и Хераскова. В него войдут: мои статьи «Филология языка и стиля Карамзина» и «Незвестные прописи из произведений Карамзина», статьи докторов Ю. Сорокина «Русская народная речь в словаре Академии Российской 1789—1794 годов» и А. Ефимова «Фразеологический состав повести Карамзина «Наталия Боярская дочь», доцента С. Ожигова «Русское литературное произношение в конце XVIII и в начале XIX в.».

Отдел, которым я руковожу, работает также над составлением большого (270 печатных листов) двухтомного словаря языка Пушкина. Первый том словаря намечено выпустить в 1949 году к 150-летию со дня рождения поэта.

С. ЛЬВОВ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Книга Г. Федорова «На рассвете» обединяет двенадцать рассказов, действие которых происходит в дни Великой Отечественной войны или вскоре после ее окончания. Рассказы могут быть разделены на две группы. Первая — характеризуется жизненностью положений и правдоподобием характеров. Можно спорить о частностях рассказов «Дом № 147», «Старик», «Теплые руки», «По следам врага»: не все эти рассказы в одинаковой степени удались автору, но путем, избранным в них писателем, не вызывает возражений. Убедительно показано превращение одиночки, бездомной старухи в бесстрашную мистерию оккупантов («Дом № 147»), мужественно преодолевают трудности жители освобожденного от захватчиков района в рассказе «По следам врага». Не может не взволновать читателя и образ старика-колхозника («У истоков легенд»), который снято оберегает могилы советских воинов и создает поэтическое сказание о товарище Сталине, наставшем мотивом павших героев.

Но в сборнике есть другая группа рассказов. Они ощущены по замыслу, жизненно-неправдоподобны и художественно неудачны. Герои этих произведений, безропотные неудачники, не имеют ничего общего с нашей действительностью. Основное чувство, которое они вызывают, — чувство жалости.

Наполовину типичен для этой группы рассказ «Невеста». Его героями — безответственные девушки, сотрудники изнанки которых происходят из дни Великой Отечественной войны или вскоре после ее окончания. Рассказы могут быть разделены на две группы. Первая — характеризуется жизненностью положений и правдоподобием характеров.

Первое и единственное большое событие в жизни Капы происходит на вечерице у сослуживца, праздновавшей приезд с фронта племянника лейтенанта. «Это был уже немолодой... полноцелый человек», — сообщает автор. В сущности это почти все, что мы узнаем о втором герое рассказа Капе, которая не ела с утра, наливала вина, и полноцелый лейтенант начинает рассказывать о фронте, «прикинувшись своим звонкими медалями к ее плечу». Когда нужно уходить домой, девушка кажется, что она проснулась «от сладкого сна». Сказав на прощание несколько теплых слов и условившись о новой встрече, лейтенант находит из жизни Капы. Она пишет ему два письма, но ответа не получает. Вскоре приходит известие, что он погиб на фронте.

«Как-то одна из сотрудниц со слезами сказала Капе, что у нее погибла на фронте сестра. Капа подняла на нее печальные, но ясные, ставшие вдруг красными, глаза и с гордой, женственной нежностью отвечала:

— Что ж, надо уметь пережить горе...

Рассказ предельно сентиментален, поэтизирует безответность и покорность одиночек «обделенной судьбою» девушек. И по сложу и по стилю он был бы вполне уместен в плюхом литеатральном приложении к какому-нибудь дореволюционному «семейному» журналу. К сожалению, в сборнике Г. Федорова этот рассказ не один. Майор Подгорный («На рассвете») — тоже Капа, только превращенная во взрослого автора в мужчину и одетая в форму офицера. Он так же поземает и беспилотен, как Капа: «...лицо у него было обыкновенное с невразительными чертами, с обильной сединой на висках. Он был маленький, всегда и во всем аккуратен. За три года работы в штабе он не нажал ни сильных врагов, ни больших друзей».

Случайная встреча Подгорного со слепой Капой преображает его, как Капу преобразила встреча с Василием Семеновичем. «Словно сердце ему вязано помолвкой в нем с новой силой вспыхнула любовь к семье и жене, к дочерям». До этого майор Подгорный, — отваживаясь от семьи, без

было ставить перед собой, обосновывать философии и решать тут же своими силами, неся все последствия и всю ответственность и потому пытаясь сформулировать выводы.

Все было непривычно, все известные приемы и навыки не годились, а что и как делать — предстояло еще придумать и решить. Но к приходу своему в колонию Макаренко был уже опытный педагогом-общественником, много лет учительствовавшим в школах рабочих-железнодорожников. У него было такое оружие, как ленинские идеи о коммунистическом воспитании, социальная политика народного образования, как великая русская литература, и большое количество всяческих знаний и умений. У него было ясное понимание, что сама советская действительность педагогична в самом высоком смысле этого слова и что нужно выработать философские приемы для перенесения в детскую среду, для внедрения в детскую душу навыков, моральных критерий установливавшихся новых традиций советской жизни.

Старый мир смотрел на «малолетних преступников» с удивительным

и страшом и обирился на беззащитных детях, маленьких воришок, воспитывающихся и эксплуатирующихся взрослыми грабителями и сорвиголовами. Вырастают, и то лишь в писательской мечте, из этого старшего круга одиночек, спасенных от обращения в детей, беспризорников, азартных филантропов. Старый мир смотрел на «малолетних преступников» с удивительным и страшом и обирился на беззащитных детях, маленьких воришок, воспитывающихся и эксплуатирующихся взрослыми грабителями и сорвиголовами. Вырастают, и то лишь в писательской мечте, из этого старшего круга одиночек, спасенных от обращения в детей, беспризорников, азартных филантропов.

Трудно было бы выдумать более острой форму, найти более выразительную обстановку, более подходитящий человеческий материал для доказательства справедливости «оптимистической гипотезы», чем та полуразвалившаяся «колония для малолетних преступников» в шести километрах от Полтавы, на песчаных холмах, в которую в сентябре 1920 года пришел Антон Макаренко, чтобы здесь «нового человека по-новому делать».

Жестокость старого капиталистического мира, его несправедливость, все его грехи еще виднее, ощущнее и страшнее, когда они обращены к детям. Ребенок в старом мире бесприют, беззащитен, запуган, одинок и почти всегда несчастен. Об этом достаточно свидетельств в мировой литературе.

В «Оливере Твисте» Диккенса дети ульяны

и взрослые, а взрослые — ульяны

и взрослые, а

